

ОПРИЧНИНА НАДВИГАЕТСЯ

Первое время дела, казалось, шли не так уж плохо. Так, на фронте Ливонской войны удалось одержать крупную победу. А ведь положение России было сложным. После падения Ливонского ордена под ударами русских войск рыцарей взяло под покровительство Великое княжество Литовское. Военные действия против России начала Швеция. Страна оказалась перед лицом двух могучих противников. Однако осенью 1562 года русские войска выступили в поход и осадили крупную литовскую крепость - белорусский город Полоцк. Важную роль сыграла артиллерия: этот род войск был тогда особо развит на Руси, что составляло одно из главных преимуществ русских войск. Сильная бомбардировка заставила гарнизон Полоцка в феврале 1563 года капитулировать. Царь очень гордился этой победой - ведь она была одержана уже после того, как он избавился от *«попа»* и *«собаки Алексея»* и тем самым как бы доказывала его правоту. Недаром до конца своих дней Иван IV особо благоволил к большинству участников взятия Полоцка, лишь немногие из них попали на плаху, зато многие - в опричнину. Полоцкая победа стала для царя надолго приятным воспоминанием, и на людей, окружавших его под стенами осажденного города, ему было и посмотреть отрадно.

Но новых побед не было. Зато в январе 1564 года русские войска были разбиты в битве у реки Улы, недалеко от Полоцка; главный воевода князь Петр Иванович Шуйский погиб, несколько воевод и сотни служилых людей попали в плен. Последовали и новые неудачи.

Царь Иван быстро нашел виноватых, хотя они и находились за сотни верст от театра военных действий. Перекладывать ответственность за свои ошибки на других стало с тех пор обыкновением царя. Впрочем, и здесь он - не исключение. Таков обычай многих деспотов. За поражение ответили два двоюродных брата из рода князей Оболенских - Михайло Петрович Репнин и Юрий Иванович Кашин. Репнин, герой известной баллады А.К. Толстого, согласно рассказу Курбского отказался плясать на пиру в маскарадной маске: счел это унижительным для себя. Царь убил его собственноручно. Кашина убили по царскому приказу, когда он шел в церковь, говорили, что даже на самом ее пороге. Тогда же за ссору с царским любимцем Федором Алексеевичем Басмановым поплатился жизнью еще один из Оболенских - князь Дмитрий Федорович Овчинин (племянник фаворита Елены Глинской). Казнен был и известный воевода Никита Васильевич Шереметев. Это было начало казней.

В те же годы царь начинает наступление против старицкого князя Владимира Андреевича. Грозный опасался своего кузена с тех пор, как тот выступил в роли династического соперника для царевича. В 1563 году дьяк старицкого князя Савлук Иванов, посаженный своим государем в тюрьму, сумел оттуда переслать царю донос. Кто знает, за что был в действительности заточен Савлук Иванов, но изображал он дело так, будто арестован за то, что хотел открыть царю *“великие изменные дела”* Владимира Андреевича и его матери княгини Ефросиньи.

Савлука доставили в Москву, царь быстро убедился в виновности своей удельной родни (а убедиться очень хотелось), князь и его мать повинились (в невиновных, признающихся в преступлениях, в годы террора никогда нет нехватки). Царь их милостиво простил: должно быть, раскаяние было условием прощения. Но все же княгиню Ефросинью сослали в Горицкий монастырь на берегу Шексны, неподалеку от Кирилло-Белозерского монастыря, а у Владимира Андреевича забрали часть его удела, дав, впрочем, взамен другие земли. Это был первый звонок для старицкого князя.

В апреле 1564 года происходит новое событие. Видный деятель Избранной рады, опытный воевода князь Андрей Михайлович Курбский из Юрьева Ливонского (ныне Тарту) бежал в Великое княжество Литовское, заранее договорившись с королем Сигизмундом II Августом. Оттуда он прислал царю свое *“злокусательное”* послание. В конце его читаем: *“Писано во граде в Волмере (ныне Валмиера в Латвии) государя моего Августа*

Жигимонта короля, от него же надеюся много пожалован быти и утешен от всех скорбей моих". В послании Курбский гневно обвинял царя в казнях невинных людей и угрожал ему небесным судом.

Было ли бегство Курбского изменой? Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим причины побега. До августа 1562 года, несмотря на опалу Сильвестра и Адашева, в судьбе Курбского вроде мало что изменилось. Весной 1560 года он был назначен главнокомандующим русских войск в Ливонии, но в августе 1562 года потерпел поражение в битве под Невелем. Полученная в сражении рана спасла его от опалы, но все же царь запомнил эту неудачу. Впоследствии он издевался над тем, что с пятнадцатью тысячами войска Курбский не мог одолеть четырех тысяч литовских воинов.

Когда Курбский оправился от болезни, его назначили наместником в Юрьев Ливонский: это было уже опасно. Ведь и Алексей Адашев, когда попал в немилость, был сначала отправлен наместничать в другой крупный ливонский город - Феллин (ныне Вильянди). В те же годы, что и Курбский, в Великое княжество Литовское бежал Тимофей Пухов-Тетерин, до того насильно постриженный в монахи.

Упрекавшему его в измене юрьевскому наместнику Михаилу Яковлевичу Морозову Пухов-Тетерин язвительно писал: *"А и твое, господине, честное юрьевское наместничество не лутчи моего, Тимохина, чернечества"*. Как прелюдию к опале справедливо воспринял свое назначение Курбский. Именно тогда он написал монахам Псково-Печерского монастыря: *"...паки напасти и беды от Вавилона (так торжественно называет Курбский Москву. - В. К.) на нас кипети многи начинают"*.

Впоследствии Курбский писал, что бежал из-за грозившей ему казни, говоря, что тот, кто *"прелютаго ради гонения не бегаем"*, подобен самоубийце. Царь отрицал, что собирался казнить Курбского, писал, что тот *"убоялся"* ложных слухов о предстоящей казни, переданных ему друзьями, называл сами эти слухи *"злодейственным солганием"*. Впрочем, Грозный не отрицал, что князя ждала опала. Русским дипломатам в Великом княжестве Литовском рекомендовалось говорить, что Курбский *"учал государю...делати изменные дела, и государь хотел был его понаказати... и помирити"*. Курбского же в послании царь упрекал в том, что князь Андрей бежал *"единого ради малаго слова гнева"*.

Так, значит, было *"слово гнева"*, а опасность для того, в чей адрес бросал царь Иван такое слово, была исключительно велика. Это-то уж Курбский знал хорошо. Да и сам царь потом как-то проговорился, когда издевательски спрашивал Курбского, почему он, такой праведный и благочестивый, *"убоялся... неповинная смерти"* и *"не изволил от мене, строптиваго владыки, страдати и венец жизни наследити"*? Ведь такая

невинная смерть - *“несть смерть, но приобретение”*. Так что не будем торопиться осуждать того, кто не пожелал подставить свою шею под топор палача, но предпочел громко сказать правду о тиране.

Но не будем торопиться и в другом: не стоит превращать беглого боярина в ангела. Пройдет несколько месяцев, и Курбский возглавит литовские войска в походе на Русь. Но, повторяю, само бегство не было изменой. Да и понятия о верности тогда были иными: служили не стране, а ее государю. Вступив в конфликт с Грозным, Курбский, естественно, вел против него войну.

Бегство Курбского было еще предысторией опричнины. История ее началась на исходе 1564 года.